

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 201–208.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 201–208.

Научная статья / Original article

УДК 179.9+141.3

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-201-208

Д. ЧИЖЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ. О САМОУБИЙСТВЕ (Н. Бердяев: О самоубийстве. Психологический этюд. Париж, 1931, 45 страниц)

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104, URL: <https://rscf.ru/project/24-78-10104/> (дата обращения: 15.08.2025). Переводчик благодарит Романа Мниха (Варшава, Польша) за предоставленный скан рецензии, а также за помощь в переводе отдельных фрагментов текста.

Ссылка для цитирования: Чижевский Д. Николай Бердяев. О самоубийстве (Н. Бердяев: О самоубийстве. Психологический этюд. Париж, 1931, 45 страниц) / публ., пер. с укр., коммент. Н. В. Рябчинского // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 201–208.
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-201-208.

Archival Materials. Unpublished Papers

D. CHYZHEVSKY

NIKOLAI BERDYAEV. ON SUICIDE

(N. Berdyaev, On Suicide, Psychological Etude, Paris, 1931, 45 pages)

Acknowledgments. The research was funded by the Russian Science Foundation № 24-78-10104. Available at: <https://rscf.ru/project/24-78-10104/> (Accessed: 15 Au-

Перевод осуществлен по изданию: Чижевський Д. Микола Бердяєв. Про самогубство (Н. Бердяєв: О самоубийстве. Психологический этюд. Париж, 1931, 45 сторінок) // Дзвони. Львів, 1931. Ч. 4–5. С. 328–331. Комментарии переводчика в постраничных сносках.

© Рябчинский Н. В., публикация, перевод на русский язык, комментарии, 2025

gust 2025). The translator thanks Roman Mnich (Warsaw, Poland) for providing a scan of the review, as well as for assistance in translating individual fragments of the text.

For citation: Chyzhevsky, D. (2025) “Nikolai Berdyaev. On Suicide (N. Berdyaev, On Suicide, Psychological Etude, Paris, 1931, 45 pages).” Publ., translate from the Ukrainian, comments by N. V. Ryabchinskiy, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 201–208. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-201-208.

Н. Бердяев — один из самых интересных русских философских современных писателей. Его труды не всегда являются образцом академического уровня, «научного» стиля, но всегда интересны, содержат немало глубоких мыслей, затрагивают темы, которые философски и жизненно «актуальны»¹. Он, правда, часто не «доводит» своих мыслей до конца, а лишь провозглашает их, часто не разъясняя, а лишь повторяя в иной форме, другими словами. Его произведения — за некоторыми исключениями — являются философскими манифестами. Но сам стиль философского манифеста в философии и оправдан, и традиционен. Бердяев своей «ориентацией» кое-чем отличается от других представителей русской философской мысли. Он не такой знаток Отцов Церкви, как Булгаков² или Флоренский³, он не такой поклонник современной фило-

¹ Афористичный стиль Бердяева, призванный подчеркнуть экзистенциальный характер его философствования, неоднократно отмечался современниками философа в качестве одного из основных недостатков его работ. Наиболее показательное высказывание на этот счет можно найти у В. В. Розанова. Так, в одной из своих многочисленных рецензий на Бердяева Розанов выражает «глубокий упрек» его философскому стилю: «...автор *высказывает*, а не *доказывает*. Слышим проповедника, но не видим философа» [Розанов, 2008, с. 230]. Примечательно, что Бердяев и сам прекрасно сознавал эту особенность своего философского стиля, объясняя ее «сравнительно слабой способностью к систематическому дискурсивному развитию своей мысли» [Бердяев, 1991, с. 345].

² Имеется в виду философ, экономист и богослов С. Н. Булгаков. Как и Бердяев, в 1922 году Булгаков был выслан из России на одном из «философских пароходов». В 1923 году Булгаков по приглашению П. И. Новгородцева перебрался в Прагу, где преподавал право на Русском юридическом факультете вплоть до июля 1925 года, когда окончательно обосновался в Париже. В Праге же Булгаков стал членом Философского общества, в котором состоял и Дмитрий Чижевский.

³ Ученый и православный философ П. А. Флоренский относится к числу тех мыслителей, с которыми Чижевский не был связан ни личным знакомством, ни перепиской (скорее всего, в виду того, что Флоренский остался в Советской России). Однако сочинения Флоренского Чижевский знал, о чем свидетельствует его доклад «Современная русская философия», прочитанный им в 1933 году в Кантовском обществе города Галле (см.: [Чижевский, 2002]).

софской литературы Запада, как Лосский⁴. Его симпатии — больше на стороне немецкой спекулятивной философии и немецкой мистики. Из всех немецких философов ему ближе всего Шеллинг и Баадер. Также он проникнут глубокими симпатиями к Якобу Бёме. Иными словами — он устремлен к религиозному пониманию всего мира. Он не столько философ религии, сколько именно «религиозный философ», который хочет не только философски уяснить себе факты христианской религии, но и с религиозной точки зрения осмыслить жизнь, природу, историю⁵.

Не удивительно, что Бердяев обратился к вопросу о самоубийстве. Самоубийство стало в СССР вопросом дня⁶. Не странно ли, что крупнейшие русские поэты — Есенин и Маяковский — прервали свою жизнь по собственной воле. В последнее время, как стало известно, тот же путь выбрал и белорусский поэт Янка Купала⁷. Однако Бердяева не столько интересует в самоубийстве «злободневное», как говорят русские, сколько его более глубокий религиозный смысл. Его мысли на эту тему выражены им в небольшой брошюре, может, немного фрагментарно, но они обсуждают тему, которая в современной европейской литературе представляется актуальной с философской и религиозной точки зрения. Не зря такой тонкий и проницательный гейдельбергский философ, как К. Ясперс, в своей «метафизике» немало места посвящает как раз проблеме самоубийства⁸. В опубликованных работах самого выдающегося современного немецкого философа Мартина Хайдеггера проблема самоубийства, правда, не обсуждается *explicite*, но к ней он подходит с разных сторон очень близко (об

⁴ Речь идет о философе-интуитивисте Н. О. Лосском, также высланном из России на очередном «философском пароходе» в 1922 году. С Лосским Чижевский познакомился, еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета (1911–1913), и впоследствии, уже находясь в эмиграции, близко сошелся с ним как со старшим коллегой по Русскому народному университету и Философскому обществу в Праге (см. об этом, в частности, «пражские воспоминания» самого Чижевского: [Чижевский, 2004, с. 231]).

⁵ Эти же наблюдения о Бердяеве, но более патетично, Чижевский высказывает в упомянутом выше докладе, называя философа «выдающимся представителем самого “синтетического” идеала философии истории, который был возведен Достоевским» [Чижевский, 2002, с. 200].

⁶ Сам Бердяев в качестве предпосылки для написания своей работы указал популярность самоубийства в среде русской эмиграции, а не в СССР (см.: [Бердяев, 1931, с. 5]).

⁷ Белорусский поэт, будущий лауреат Сталинской премии Я. Купала в ноябре 1930 года совершил попытку самоубийства, распоров себе живот, однако был спасен жившим по соседству врачом. Формулировка Чижевского свидетельствует о том, что ему было известно об этом инциденте.

⁸ По-видимому, под «метафизикой» Ясперса Чижевский подразумевает здесь прежде всего его «Психологию мировоззрений» («Psychologie der Weltanschauungen»), изданную в 1919 году и фактически ставшую первой философской работой этого мыслителя. С философией Ясперса Чижевский познакомился в Гейдельберге, где в качестве студента философского факультета (1921–1922) слушал его курсы лекций по психологии религии и философии И. Канта.

этом несколько слов позже)⁹. Да и позитивисты интересовались проблемой самоубийства (Масарик, Дюркгейм)¹⁰.

Для Бердяева самоубийство является проявлением одиночества личности, ее самоизоляции, ее отрыва от всего, что находится за пределами «я», и больше за пределами данного момента бытия «я», за пределами ее нынешнего психического состояния. Мотивом самоубийства является «безнадежность». Но эта безнадежность, тьма собственного сознания возможна лишь через отрыв жизни данной личности от всего, что находится за границами ее «его». Самоубийца является эгоцентриком. Он оторван от других людей, от мира, а в первую очередь от «Солнца мира» — от Бога. Самоубийство является возведением мгновения — данного момента, в котором жизнь для меня безнадежна, — выше вечности. Да самоубийца только потому и может стать самоубийцей, что он не видит вечности, не видит Бога, что он, иными словами, в Бога, в вечность *не верит*. Самоубийство оказывается проявлением неверия.

Бердяев лишь повторяет и развивает известную — и вполне правильную — мысль о том, что самоубийство не является (или почти никогда не является) проявлением негации¹¹ мира, а наоборот — слишком высокой оценки мира и всего того, что человек имеет и может иметь от мира. Бердяев только придает этой мысли новую интерпретацию — на наш взгляд, он мог эти идеи развить в более радикальной форме — привязанность к миру закрывает человеку Бога и вечность, создает психические состояния и условия, при которых самоубийство становится возможным.

Весьма интересна и интерпретация (вообще-то не новая, Бердяев правомерно ссылается в этой части своей брошюры на Фому Аквинского), которую дает Бердяев самоубийству как «греху против себя самого»¹². Все «грехи против себя самого» (уничтожение или повреждение своего тела и своей души) являются произволом против Бога, которому принадлежит каждое человеческое существо, произволом против Божьего миропорядка, препятствием, которое

⁹ С философией Хайдеггера Чижевский познакомился, будучи студентом Фрайбургского университета, куда перевелся из Гейдельберга в 1922 году и где слушал его лекции по онтологии и феноменологии вплоть до окончания зимнего семестра 1923/24 года. Известно, что до 1933 года Чижевский состоял с Хайдеггером в переписке, а также внимательно следил за его научной деятельностью. Опубликованная весной 1927 года работа Хайдеггера «Бытие и время», о которой явно идет речь в рецензии, вызвала несомненный интерес Чижевского, особенно ее второй раздел, который, как известно, открывается разработкой вопроса о смерти в категории экзистенциально-онтологической проблемы [Хайдеггер, 2007, с. 235–267]. Подробнее об отношении Чижевского к Хайдеггеру и его работе см. в статье А. В. Тоичкиной: [Тоичкина, 2015, с. 417 и далее].

¹⁰ Об их работах см. мое предисловие к переводу рецензии Чижевского.

¹¹ То есть отрицания (*устар.*), от лат. *negatio*.

¹² См.: [Бердяев, 1931, с. 28].

самоубийца ставит осуществлению царства Божьего. Бердяев справедливо обращает внимание на то, что за пределами христианской этики самоубийство не является грехом. Стоики или Шопенгауэр, который был атеистом, признавали самоубийство (или определенные его формы) скорее одним из возможных случаев морального поступка человека¹³. «Только христианство провозглашает необходимость мужества в страданиях и признает их смысл; значение Христа. Поэтому христианство есть самая мужественная из всех религий»¹⁴. Самоубийство является снижением человека до вещи (вне христианства такое снижение возможно, например, в форме признания рабов лишь «вещами» господ), низведением человека из сферы собственно-человеческого состояния бытия в состояние нечеловеческого, природного (вещного) бытия. (Кстати, античный философ, чьи мысли наиболее часто встречаются в христианской философии, — Аристотель — решительно противился самоубийству¹⁵.)

Мы не можем здесь и далее следовать за мыслями Бердяева, как и уходить в подробности его тонкого анализа. Нам представляется, что его идеям можно дать и более общую формулировку (которую отчасти наметил еще и Достоевский). В каждом человеке одновременно присутствуют бытие и небытие¹⁶. В жизни каждого человека всегда и неустанно происходит борьба этих элементов. И всякая изоляция человека от других людей, от всего мира, от вечности есть победа небытия. Ибо бытие человека глубоко связано, уходит корнями своими в жизнь «общественности», природы, Бога. «Небытие», победив, совсем не должно неизбежно вести человека к самоубийству. Человек, который уничтожил в себе элементы бытия, который разорвал все свои связи с высшим бытием, может вполне благополучно продолжать существовать и иметь «жизненные успехи» и показные, иллюзорные «победы» в жизни, и убивать не себя, а других. И мы могли бы распространить эту мысль и на целые народы и культуры. Не готовит ли современная культура (которая вроде бы так процветает внешне) основания и условия для собственного «самоубийства», не делают ли этого же те народы, которые, оторвавшись от вечных идеалов и целей, лелеют как самостоятельную абсолютную ценность лишь оторванную от

¹³ К примеру, см. об этом разделы о Сенеке и Шопенгауэре в книге по суицидологии: [Суицидология ..., 2013].

¹⁴ Неточная цитата Бердяева. В действительности он пишет: «Только христианство утверждает бесстрашие перед страданиями и смысл страдания, значение Креста. Поэтому христианство есть самая мужественная религия» [Бердяев, 1931, с. 29].

¹⁵ В частности, Аристотель уделяет внимание вопросу самоубийства в «Никомаховой этике», рассматривая этот акт как один из видов несправедливого действия (см.: [Аристотель, 1983, с. 169]).

¹⁶ См. об этом статью Чижевского «Достоевский — психолог», опубликованную в 1933 году в составе второго пражского сборника «О Достоевском» [Чижевский, 1933].

вечного содержания внешнюю культуру? Не нужно быть пацифистом, чтобы видеть, как из «безбожного» понимания культуры вырастает основание для небывалого истребления человечества и «культурных достижений» этой же, в сущности уже уничтоженной, культуры. Не похожи ли эти процессы удивительным образом на то самоуничтожение, которое производят над собой «духовные самоубийцы»? Современная философия (упомянутый выше Хайдеггер) с необычайной силой поднимает вопрос о предпосылках и смысле подлинного существования человека, показывает, что это подлинное существование никоим образом не является простой эмпирической, «реальной» жизнью либо жизненными успехами личности. И развивая эту мысль, мы также должны сказать, что и бытие народа, нации или конкретной «культурной сферы» никак не сводится только к политическим и другим «успехам», но подлинно укоренено лишь в сфере вечности и живой связи с вечными ценностями. Потому-то брошюра Бердяева, которая освещает тему бытия человека с индивидуально-психологической точки зрения, имеет более широкое значение и потому-то мы рекомендуем ее вниманию читателей.

Список источников

Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской // *Аристотель*. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294.

Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991. 448 с.

Бердяев Н. О самоубийстве: Психологический этюд. Paris: YMCA-Press, 1931. 46 с.

Розанов В. В. Новая религиозно-философская концепция (Николай Бердяев. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Москва, 1916 г.) // *Розанов В. В.* Собрание сочинений. В чадѹ войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. / под общ. ред. А. Н. Николютина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 228–237.

Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М.: Когито-Центр, 2013. 569 с.

Тоичкина А. В. Философский контекст статьи Д. И. Чижевского «К проблеме двойника» (К методологии исследования ученого) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014–2015 гг. М.: ДРЗ, 2015. С. 415–423.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

Чижевский Д. Достоевский — психолог // О Достоевском. Сб. статей II / под ред. А. Л. Бема. Прага: Петрополис, 1933. С. 51–72.

Чижевский Д. И. Пражские воспоминания. Возникновение Пражского лингвистического кружка и его достижения // Русское зарубежье: приглашение к диалогу: Сборник научных трудов / под ред. Л. В. Сыроватко. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 227–253.

Чижевский Д. И. Современная русская философия // Россия и современный мир. 2002. № 1 (34). С. 194–203.

References

Aristotel' (1983) "Nikomakhova etika" ["Nicomachean Ethics"]. Transl. by N. V. Braginskaya, in Aristotel'. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom 4* [Collected Works in 4 vols. Vol. 4]. Ed. by A. I. Dovatur, F. Kh. Kessidi. Moscow: Mysl', pp. 53–294.

Berdyaev, N. A. (1991) *Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-knowledge (The Experience of Philosophical Autobiography)]. Moscow: Kniga.

Berdyaev, N. (1931) *O samoubiystve* [On Suicide]. Paris: YMCA-Press.

Rozanov, V. V. (1983) "Novaya religiozno-filosofskaya kontseptsiya (Nikolai Berdyaev. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka. Moskva, 1916 g.)" ["A New Religious and Philosophical Concept (Nikolai Berdyaev. The Meaning of the Creative Act. Moscow, 1916)"], in Rozanov, V. V. *Sobranie sochinenii. V chadu voyny. Stat'i i ocherki 1916–1918 gg* [Collected Works. In the Haze of War. Articles and Essays 1916–1918]. Ed. by A. N. Nikolyutin. Moscow: Respublika; St. Petersburg: Rostok, pp. 228–237.

Suitsidologiya: Proshloe i nastoyashchee: Problema samoubiystva v trudakh filosofov, sotsiologov, psikhoterapevtov i v khudozhestvennykh tekstakh [Suicidology: Past and Present: The Problem of Suicide in the Works of Philosophers, Sociologists, Psychotherapists, and in Literary Texts] (2013). Moscow: Kogito-Tsentr.

Toichkina, A. V. (2015) "Filosofskii kontekst stat'i D. I. Chizhevskogo «K probleme dvoynika» (K metodologii issledovaniya uchenogo)" ["Philosophical Context of the Article by D. I. Chizhevsky "On the Problem of the Double" (On the Methodology of the Scientist's Research)"], in *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2014–2015 gg* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad. 2014–2015]. Moscow: DRZ, pp. 415–423.

Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Transl. by V. V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.

Chizhevskii D. (1933) "Dostoevskii — psikholog" ["Dostoevsky as a psychologist"], in Bem, A. L. (ed.) *O Dostoevskom. Sb. statei II* [On Dostoevsky. A Collection of Articles II]. Prague: Petropolis, pp. 51–72.

Chizhevskii, D. I. (2004) "Prazhskie vospominaniya. Vzniknovenie Prazhskogo lingvisticheskogo kruzha i ego dostizheniya" ["Prague Memories. The Emergence of the Prague Linguistic Circle and its Achievements"], in Syrovatko, L. V. (ed.) *Rus-*

skoe zarubezh'e: priglasenie k dialogu: Sbornik nauchnykh trudov [Russian Abroad: An Invitation to Dialogue: A Collection of Scientific Papers]. Kaliningrad: KGU Publ., pp. 227–253.

Chizhevskii, D. I. (2002) “Sovremennaya russkaya filosofiya” [“Modern Russian Philosophy”], *Rossiya i sovremennyi mir* [Russia and the Contemporary World], 1(34), pp. 194–203.

Информация о переводчике: Николай Викторович Рябчинский — аспирант Школы философии и культурологии, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the translator: Nikolay V. Ryabchinskiy — Postgraduate Student in Philosophy at the School of Philosophy and Cultural Studies, Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.09.2025;
принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 12.08.2025;
approved after reviewing 01.09.2025;
accepted for publication 10.09.2025.